

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ

ГЛАВА 1 НОЧЬ НА 22 ДЕКАБРЯ 2000 ГОДА

Подходил к концу тяжёлый переломный двухтысячный. Человечество медленно и верно вступало в новое тысячелетие. На дворе стояла тёмная зимняя ночь первого дня солнцеворота. Начало времени надежд – праздника Великого Коляды... Я сидел в гордом одиночестве в зале своего дома и в который раз вглядывался на записке в буквы знакомого почерка: «Твоё время пришло, Гор».

«Что хотел мне сказать этими словами старый? Какое время? И вообще, что я могу? Одинокий, фактически без средств к существованию, преданный «единомышленниками» и затравленный недоброжелателями? Что толку, что я что-то понимаю и многое знаю? Кому это надо? Окружающим не нужны знания, тем более о далёком и «мифическом» прошлом. Какой от них прок? Продать их нельзя, добыть с помощью них деньги – проблематично. В настоящий момент всем нужны одни они, окаянные... Деньги и только деньги! Единственная реальная ценность нашего безумного времени... На какие только преступления не идут недолюдки ради их добычи. И с каждым днём таких вот уродов в обществе становится всё больше и больше... Я снова перечитал записку старого. Чёрным по белому: «Пришло твоё время»...

Может, пора удавиться? Намёк на это? Каким образом можно противостоять хаосу в фазе его наивысшего разгула? Когда сознание масс

сужено до восприятия одного материального. Но тогда зачем мне этот подарок? – и мои руки потянулись к тускло поблескивающему в пламени свечи лезвию колдына. – Чтобы не тратиться на верёвку и мыло?

Для более романтичного ухода в преисподнюю?»

Я снова взял в руки булатный меч ведуна и вдруг почувствовал, что от него исходит какая-то особая, неведомая мне сила. Первое, что я ощутил, так это спокойствие. То спокойствие и уверенность в себе, которых вот уже более года мне так недоставало. Казалось, что рукоять меча сама влилась в ладонь, а его лезвие голосом стали прошелестело:

– Ты не один, Гор, моя сила теперь с тобою... Собирайся, воин! Не так всё плохо, как тебе кажется... Помни: разгул тьмы всегда наступает перед рассветом...

Тряхнув головой, чтобы сбросить наваждение, я положил меч волхва на прежнее место и, обратившись к оружию, сказал:

– Ты избрал меня своим новым хозяином... Я это понял... Благодарю за доверие. И ещё: признателен тебе за то, что вернул мне уверенность.

– Ты прав, булатный, я теперь не один. Нас за праздничным столом двое: я – человек, ты – меч, но какое это имеет значение? Главное, что мы понимаем друг друга. Так давай вместе и будем встречать «идущего к нам» Коляду...

С этими словами я зажёл ещё две свечи, пододвинул поближе графин с клюквенным напитком и посмотрел на часы. До начала солнцеворота осталось около десяти минут.

«Интересно, где сейчас «знахарь»? – бродили мысли. – Неужели в Томске? Или где-то рядом в Новосибирске? Может, в Красноярске? А я хорош! Поверил в его смерть! Позор! Покойная бабушка сказала бы: «Стыд головушке!» И была бы права. Наверное, один только я в смерть старого и поверил! Сергей Борисович наверняка сделал всего лишь вид. Чтобы ведуна не искали ни правоохранители, ни те, кто за ним охотится. Лихо! Просто и надёжно...»

– Это твоя сталь, направляемая рукой старого, располосовала тех троих, остатки которых нашли на развалинах его дома? – посмотрел я на лежащий передо мной обнажённый меч. – Ну и страшен же ты в гнев, «батенька»! Сколько же смертей на твоём счету?

Меч скромно молчал.

– Помалкиваешь? – продолжил я. – Тебе, наверное, стыдно? Совесть замучила?

– Не замучила, – услышал я снова тихий шелест стали. – Мой булат всегда отправлял на тот свет врагов. На мне нет крови невинных. И в твоих руках, если потребуется, буду делать то же самое...

– Всё, хватит! – положил я руку на эфес колдына. – Тебя послушать, так кругом одни только враги. С тобой с ума сойти можно! Ты, я вижу, хищный, а раз так, то твоё место под медвежьей шкурой.

Я аккуратно протёр лезвие меча подсолнечным маслом, вложил оружие в ножны и, зайдя в спальню, повесил его под шкуру. На душе было не по себе. Когда-то, в начале наших занятий, старый волхв, рассказывая мне о взаимодействии силовых и информационных полей Мироздания, обратил моё внимание на то, что в любом материальном образовании (будь то микромир или макро-, значения не имеет), если оно находится в информационном поле, непременно возникают мыслеформы. А так как информационная субстанция в природе самая тонкая и она пронизывает всю без исключения материю, следовательно, в любом материальном образовании, благодаря её воздействию, рождаются определённые мыслеформы. Это значит, что во всём своём многообразии, от микромира до макро-, материя сознательна. И русы-бореалы, и славяне дохристианской Руси это хорошо знали. Вот почему в русских сказках, легендах и былинах герои запросто общаются с реками, облаками, ветром, Солнцем, горами и деревьями. Навязанная извне христианская традиция постепенно вытравливала из памяти народа знания о том, что сознание – свойство не только живой, но и неживой материи. И вот теперь, уловив своим интуитивным прорвавшиеся из подсознательного «рассуждения» клинка, я даже немного испугался.

«Ничего себе! – думал я. – Если так дальше пойдёт, то «жёлтого дома» мне не миновать. Было ясно, что старый, прежде чем передать мне свою реликвию, убедил её служить новому хозяину верой и правдой... И меч не стал ждать от меня «приручения» – он тут же заявил о своих намерениях... За что и угодил подальше от праздничного стола, за лохматую шкуру хозяина леса».

– Никого я не собираюсь убивать, – сказал я ему на прощание. – И не такая я знатная птица, чтобы кто-то стал за мной охотиться.

– Всё ещё впереди! – донеслось из-за шкуры.

Но я, не обратив внимания на «реплику», снова направился в зал и уселся на своё место. Сколько раз я ловил себя на том, что понимаю,

о чём болтают на улице воробьи или те же сороки... Что хотят мне сказать собаки, кот Тимофей или воровки-мыши, но об щения с неодушевлёнными предметами у меня до этого момента ещё не было.

«Ну и Коляда двухтысячного! Наверное, схожу с ума? – спрашивал я себя. – Может, мне всё грезится? Да нет – порез на руке, записка на столе... Увидеть бы старика! Хотя бы на несколько секунд?! Уверенность в свои силы пришла. Пускай она вынырнула из сказки, главное, я её ощущаю... Но куда идти, что делать дальше? Ведун бы подсказал...»

И тут я невольно вспомнил, как три года назад ко мне пришёл один озадаченный знакомый. Грустным голосом тот человек сообщил, что вчера вечером он с друзьями и сыном отправился в сауну. В бане было всё как положено: и анекдоты, и выпивка... Только, придя домой, он не нашёл в своём кармане крупную сумму денег. Вроде бы все друзья – не на кого и подумать, а факт остаётся фактом.

– Может, ты, как психолог, мне что-нибудь подскажешь? – посмотрел он на меня с надеждой.

Видя растерянное лицо своего знакомого, я решил:

– Знаешь, что, – сказал я ему, – давай сделаем так: ты фамилии называть мне не будешь, обозначишь людей цифрами.

Он согласно кивнул.

– А я, когда ты станешь вслух произносить эти цифры, попробую спросить относительно них своё подсознание. Чтобы тебе было наглядно, я буду работать с рамками. Если человек не виноват – рамки разбегутся, если он украл – они сложатся. Их будет двигать моё подсознание. Идёт?

Знакомый заулыбался.

– Ещё как идёт, только бы получилось!

Пока он цифровал своих друзей-собутельников, я вышел во двор и из медной проволоки смастерил две рамки.

– Ну что, начнём? – спросил я его, войдя в комнату.

Знакомый назвал первую цифру. Рамки в моих руках разбежались.

Он следом назвал вторую. Рамки разошлись снова. Я стоял перед ним, полностью расслабившись, отключив все мысли, и только наблюдал. Знакомый назвал ещё две цифры. Тот же эффект – рамки разбежались.

Но вот он произнёс цифру, при которой рамки начали сходиться. Мой знакомый вытаращенными глазами смотрел на сбежавшиеся рамки и потом прошептал:

– Это же мой сын, не может быть!

В ответ я только пожал плечами... Назавтра он мне позвонил: деньги действительно оказались у его сына... Единственное, что я его попросил, чтобы он особо не распространялся о моих способностях...

И надо сказать, что знакомый данное мне слово в какой-то степени сдержал. Правда, для того чтобы самому ещё раз убедиться в необычном, он предложил мне решить задачу посложнее. Этот человек пришёл ко мне в гости через день после сообщения о гибели летевшего с Сахалина на материк пассажирского авиалайнера и с порога предложил мне заняться розыском места его падения. Он рассказал, что поиском самолёта и в России, и за рубежом заняты многие экстрасенсы и что их выводы говорят о том, что самолёт упал в воды Татарского пролива. Визит такого рода мне не понравился, тем более, что я не считал себя экстрасенсом. Но делать было нечего. И, чтобы отвязаться от вопросов визитёра, я взял в руки свой маятник.

– Рамки я выбросил, – пояснил я гостю. – Но вот маятник у меня есть. И им я иногда пользуюсь... Видишь, он сделан из медвежьего клыка. Красивый, не правда ли?

«Пусть думает, что всё дело в клыке», – решил я про себя.

Я сел в кресло и, взяв в руку верёвочку маятника, показал:

– Сюда будет качаться – значит «да», если наоборот, то «нет». Если начнёт кружиться, то не хочет отвечать. Такое тоже бывает. Понял?

Знакомый кивнул.

– Так значит, экстрасенсы пришли к выводу, что самолёт угодил в воды Татарского? – посмотрел я на гостя. – Давай проверим. «Он», – указал я на маятник, – говорит только правду...

Расслабившись и отключив внутренний диалог, я мысленно обратился к своему подсознанию. Маятник качнуло. Глубинное пошло на контакт... Тогда я вслух, чтобы слышал гость, спросил:

– Правду говорят экстрасенсы – лайнер лежит на морском дне?

Маятник качнулся на отрицание.

– Вот видишь, – повернулся я к знакомому. – Экстрасенсы что-то напутали. Самолёт надо искать на суше.

– Но где? – засуетился гость. – Ты можешь хотя бы приблизительно указать то место?

Немного подумав, я кивнул.

– Начнём вот с чего: сначала выясним, отклонился самолёт от курса или нет, и на сколько километров? Потом на карте начертим его приблизительный маршрут и по траектории полёта начнём отсчитывать десятки километров. Так, возможно, и найдём квадрат, где надо искать обломки.

С этими словами я снова обратился к своему подсознанию и посредством маятника выяснил, что самолёт на самом деле отклонился от маршрута. Отклонился севернее на двадцать с лишним километров. Теперь можно было начертить на карте его изменённый маршрут. Когда чертёж был сделан, я стал от берега пролива отсчитывать десятки километров. Первый десяток – маятник показал: «да», значит, лайнер летел, второй десяток, третий, четвёртый... Везде – «да», «да» и «да». И вот наконец – «нет». Маятник качнуло в другую сторону.

– Всё, обломки самолёта надо искать здесь, в этих горах, – сказал я, указав на карту. – Самолёт пролетел чуть больше девяти десятков километров...

Поверил мне мой знакомый или нет, меня не волновало. Я предложил ему позвонить в МЧС или кому-нибудь из экстрасенсов. Пусть проверят указанный мною квадрат. Но как потом выяснилось, звонить мой знакомый никуда не стал. Мнение же моё ему было нужно для того, чтобы выиграть спор о месте падения лайнера у себя на работе... И всё-таки надо отдать должное этому человеку. Когда через две недели выяснилось, что обломки самолёта нашли в том месте, на которое я указал, он, купив на выигранные в споре деньги несколько бутылок дорогого вина, кучу всяческой еды, явился поздравить меня с тем, что я всем утёр нос. Что я настоящий экстрасенс и что о моих способностях надо молчать. С последним его утверждением я искренне согласился. На мой вопрос, почему он не позвонил в МЧС, гость, несколько отрезвев, заявил, что всё равно никто бы его не послушал, говорить же кому-то обо мне он не захотел. Вся эта эпопея и с украденными деньгами, и с разбившимся лайнером пронеслась в моём сознании в одно мгновение.

«Несомненно, я что-то могу, – подумалось мне. – Если так, то почему бы не попробовать? Конечно, старый ментально защищён, иначе бы его давным-давно «доброжелатели» накрыли. Но может, для моего подсознательного он открыт? Точнее, открыт для всех тех, кто с ним дружески связан... Впрочем, это можно легко выяснить».

И я, поднявшись из-за стола, направился в спальню за своими «магическими» принадлежностями. Снимая со стены рамки и маятник, я вдруг опять услышал:

– Нехорошо делаешь. Я как раз для того и пришёл к тебе, чтобы связать тебя со старым... А ты куда меня спровадил? На стену, под шкуру, подальше от себя. Да ещё и на праздник?

– Мне не понравилась твоя свирепость, – покосился я на шкуру.

– Да не свирепый я вовсе. Просто как могу, так и служу законам Прави. Разве я виноват, что меня таким сделали?

– Ладно, прости, убедил, пойдём вместе искать твоего бывшего хозяина, – проворчал я, вытаскивая колдын из-под шкуры.

На душе стало легко и спокойно.

«Ну и что с того, что я схожу с ума? Затеял полемику с тесаком, и это, похоже, только начало... Потом пойдёт и поедет... Начну общение со столом, стульями, с забором... Чего доброго, со своими носками... Представляю, что они выдадут относительно нежелания регулярно их стирать? Будет веселее некуда! Сплошные упрёки!»

Невольно припомнилось несколько анекдотов про психов. И я сам над собою расхохотался. Подойдя к столу, я положил меч на старое место и, создав торжественную обстановку, взял в руки рамки.

– Ну что, приступим? – обратился я к подарку старого.

Отбросив внутреннее напряжение и посторонние мысли, я спросил:

– Уважаемое подсознание, ответь, пожалуйста: тот, кого мы ищем, находится в России?

Рамки тут же сложились. Нет, не в России! Ответ был более чем понятен.

– Тогда где? Может, в СНГ?

Рамки стали разбегаться.

– Юг или запад? – задал я новый вопрос.

Получилось, что юг. И вдруг своим внутренним взором я увидел освещённую растущей Луной гигантскую горную страну. Покрытые снегом вершины уходили уступами в чёрное зимнее небо, и казалось, что им не видно конца. Рамки теперь были не нужны – я каким-то непостижимым образом знал, что это за горы и в какой из туманных долин стоит жилище того, кого мне всегда недоставало. Я повесил ненужные рамки на гвоздь и снова сел за стол.

«Так вот оно что! Неплохо, неплохо! Здесь, в горах, в VIII веке укрывались от нашествия арабов три племени огнепоклонников –

согдийцев. Сколько мусульмане их ни искали, так и не нашли... А с X же века стали возникать скиты ведических русов. Тех, кто уходил от христиан через земли Артании на юг к границам Индии... Какой изо всего того, что я нашёл, можно сделать вывод? Адреса, данные мне старым на юге, я так и не посетил. Не получилось... А надо было бы. Но «всё хорошо, что хорошо кончается». Теперь я знаю, где искать тебя, седоголовый. Горы мне не помеха. На востоке Сибири тоже горы, и ещё какие! Но в своё время я их прошёл...»

Размышляя, я поглядел на лежавший передо мной меч. Душа наполнилась радостью. Что-то во мне за эти годы всё же произошло. То, о чём я особо и не мечтал. Усилий-то никаких не прилагал! И тут я попробовал вызвать в своём сознании образ ведуна. Расслабившись и отключив внутренний диалог, я стал вспоминать черты лица «пасечника». И когда в глубине моего сознания возник полный его портрет, я увидел живые, с неподдельным интересом разглядывающие меня глаза. В голове мелькнула мысль, что глаза старика я представлял совсем другими... Что же случилось? Образом старого я уже не управлял. Лицо ведуна вполне самостоятельно, без моего влияния смотрело на меня из недр моей психики. Оно улыбалось.

– С праздником тебя, Гор! – раздался как бы издалека его голос. – Видишь, вот мы и опять встретились...

– И тебя с праздником! – мысленно ответил я. – И большое спасибо тебе за подарок! Право, я его не достоин!

– Не был бы ты его достоин, я бы тебе его не подарил, – серьёзно лицо «знахаря». – Я рад, что тебе мой меч пришёлся по вкусу! Помню, как загорелись твои глаза, когда ты впервые его увидел...

– Ответь мне, что это? Галлюцинация? Почему я тебя вижу и даже слышу? Я что, совсем спятил? – прервал я своим вопросом седоголового.

– Твоё сознание не успевает за ходом твоей эволюции, Гор, – спокойно сказал образ. – Поэтому тебе и кажется, что с головой у тебя не всё в порядке. Успокойся. То, что сейчас происходит, всего лишь телепатический мост. Я ждал, что ты сегодня обязательно попытаешься вызвать в своём сознании меня, и сам вышел на твои «позывные»...

– Получается, что внутренний образ может быть чем-то вроде «позывного»?

– Не может, а он и есть «позывной», – вновь улыбнулось лицо старого. – Вот только пользоваться телепатической связью в наше время могут далеко не многие. В основном, люди внутреннего круга...

– А как же у меня... – открыл я рот.

– А что у тебя? – остановил меня голос «знахаря». – Если со мной общаешься, значит, всё в порядке. Ты был готов к такому общению десять лет назад, только не знал об этом. Ты, вообще, много чего о себе не знаешь.

– Чего же? – невольно вырвалось у меня.

– То, что избраннику Юган-Ики – духа одной из сибирских рек, позволено очень многое, Гор...

От слов волхва меня бросило в жар. В сознании всплыло одно из моих невольных посвящений...

– Так что же мне делать? Неужели ты хочешь, чтобы я стал шаманом? – с дрожью в душе посмотрел я в глаза «знахарю».

– С чего ты взял? – усмехнулся образ. – Шаманы работают с мелочью. Духи рек выше их возможностей...

– По-твоему, после того, что произошло на Югане, я получил потенциал похлеще, чем у иных хантейских и ненецких шаманов?

– И до сих пор делаешь вид, что ничего в тебе не изменилось.

Томская ложа знает о тебе больше, чем ты о себе. Ну, чем их свора тебе насолила? Лишила возможности преподавать? Подтолкнуло сознание тех, кому ты верил, к предательству? Два комариных укуса! У тебя же самого даже насморка нет! Хотя установка была на летал, Гор. На летал...

Не зная, что сказать, я молча смотрел на образ старого. Глаза волхва были серьёзны.

«Так вот оно что? – мелькнуло в голове. – Мне действительно грозила серьёзная опасность. Она и сейчас грозит... И ещё: хорошо это или плохо, но я находился и нахожусь под невидимым контролем...»

Ай да ведун! Для того чтобы вывести меня на связь, он и послал мне свою записку. Но меч-то зачем? Предмет силы?»

– Меч сейчас нужен не мне, но тебе, тем более, духовно мы с тобою едины, – ответил на мой мысленный вопрос голос седоголового.

– Даже тут ты читаешь мои мысли. Не можешь без этого, – укорил я его.

– Не могу, Гор, потому что разговор у нас сегодня будет короткий.

Свой участок связи прикрыть ты пока не можешь. Такое умение придёт позднее. Поэтому наш мост легко засечь. Для С.Т. ты тоже стал «ценностью» и немалой. Так что давай будем закруглятсяя.

– Но у меня столько к тебе вопросов! – взмолился я.

– Со своими вопросами ты в состоянии разобраться и сам. Вспомни, кто ты есть, и не будь иждивенцем, – отрезал волхв. – Я тебя вызвал на связь вот по какой причине. Пришло время тебе встретиться с тем человеком, который когда-то на Курейке работал со Сталиным.

– С Чердынцевым? – припомнил я.

– Да, с тем, кого я назвал тогда Чердынцевым...

Я не знал, что и сказать...

– Он тебя ждёт. И ждёт давно...

– И что я должен сделать? – посмотрел я на образ старого.

– Найти этого человека. Найти самостоятельно, без подсказок.

– Так как же я его буду искать, если не знаю где и кого? Совсем как у нас в сказках: иди туда, не зная куда, найди то, не зная что...

– Да, именно так, – кивнул сединой образ. – Это второй уровень защиты...

– Но мне хотя бы надо увидеть, кого я должен найти. – обратился я к «знахарю».

– Мысленный образ ты сейчас увидишь, я тебе его дам. Смотри и запоминай.

И тут внутренним взором вместо ведуна я увидел сухое бородатое лицо с глубоко посаженными глазами...

– Всё, сеанс окончен, – раздался голос ведуна. – Думаю, ты запомнил...

– Можно один вопрос? – попросил я. – Один-единственный!

– Давай, – улыбнулся глазами образ.

– То, что Чердынцев мне позарез нужен, и ежу понятно. Но я-то ему зачем? Он что, без меня обойтись не может? Хранитель недр плато Путорана, волхв высшего посвящения!

– С него начнётся второй круг погружения твоего сознания в традицию Ора. Ты ведь этого сам хочешь...

– Хочу – не хочу, но всё так сложилось, что другого для меня пути нет, – развёл я руками.

– Нет, – согласился образ. – Таков твой рок...

– И сколько второе посвящение будет длиться? Тоже лет двадцать, а то и более?

– Это уже второй вопрос, Юра, – засмеялось видение. – Но я тебе отвечу: во втором круге ты встретишься всего с тремя посвящёнными.

От «Чердынцева» ты получишь образ второго, потом таким же способом найдёшь и третьего...

– Скажи мне, – чуть не закричал я, – неужели есть ещё и третий круг погружения в традицию?

– Есть, Гор, есть, но тебе никого искать больше не придётся. В третьем круге ты встретишься всего с одним человеком. И он, когда будет нужно, найдёт тебя сам. Всё, теперь прощай, до новой связи! И меня не ищи, всё равно не найдёшь.

– А я уже нашёл, – вырвалось у меня.

– Вот как?! – удивился образ. – Ну и ну! Рад, что в тебе не ошибся. Ты всегда приятно меня удивлял.

С этими словами лицо волхва стало растворяться. Со своей стороны я попытался его удержать, но мои усилия оказались тщетными...

Связь прервалась. Осознавая случившееся, я несколько минут пребывал в своём бессознательном. Потом, придя в себя, взглянул на часы – было пятнадцать минут первого.

ГЛАВА 2

ВОСПОМИНАНИЕ О ПРОЙДЕННОМ. МЕЧТА ДЯДИ ЁШИ. ПРОСТОЕ В СЛОЖНОМ

С того момента, как я вышел на телепатическую связь с ведуном, прошло не более двадцати минут. Но этого короткого времени для меня хватило, чтобы снова собраться и обрести то, что ещё недавно казалось утраченным: смысл движения – в будущее... Не к той пропасти, куда С.Т. так старательно нас всех подталкивают, а туда, где за тьмой безысходности блеснул лучик надежды... Невольно вспомнились слова старого о том, что главное для современных русичей возвращение в их истерзанные вековым насилием и ложью души хоть какой-то надежды на изменение к лучшему. Тогда сломленный, порабощённый и вымирающий этнос наверняка вновь найдёт в себе силы к сопротивлению. И, превратившись в монолитную несокрушимую скалу, станет такой силой, с которой не справятся никакие социальные цунами и бури...

«Ну что же, – подумал я про себя, – попробуем вернуть потерянное. Но для начала надо найти тех, кто бы меня понимал... Как говаривал мудрый дядя Ёша: «Один в поле воин только тогда, когда за его спиной видна целая армия»... Кстати, где он, мой северный еврей?

Жив ли? – и моя рука снова потянулась к маятнику. – Нет, не стоит, – остановил я себя. – Вдруг его уже нет! Прошла бездна времени!»

Но внутри при мысли о смерти дяди Ёши почему-то не похолодело. Наоборот, я почувствовал в себе какую-то необъяснимую радость.

«Похоже, жив ещё мой матёрый еврейще! Жив! — обрадовался я своему чувству. — Значит, ещё увидимся! Какая у нас с ним была первая встреча?! Прямо скажем, незабываемая! Я чуть было от его вида не сделал ноги... А потом началась дружба, и ещё какая! Правда, были мы вместе недолго – всего четыре недели. Но сколько то незабываемое время мне тогда дало! Чего стоили лекции дяди Ёши! То, что я от него узнал, мечта многих горе-академиков».

И я мысленно перенёсся в то далёкое время, когда, вернувшись после почти месячных скитаний по осенней тундре, мы со старым

антропологом оказались в его уютной квартире. Наконец-то не надо было к костру таскать полугнилой сушняк, устанавливать надоевшую сырую палатку и наскоро готовить себе ужин. На столе нас ждала внушительная кастрюля сваренной из привезённой нами кумжи ухи, а рядом с ней красовался электрический самовар со свежезаваренным чаем. Мы сидели друг против друга, с аппетитом хлебали свою уху и в который раз вспоминали недавно нами увиденное. В моей голове никак не укладывалось, что здесь, в Заполярье, десятки тысяч лет назад процветала цивилизация, которая запросто строила из камня гигантские пирамиды-конусы, возводила из тёсаного гранита стены некогда величественных городов и мостила ушедшие в слой лёсса и мха дороги... Даже те жалкие остатки древних построек, которые мне показал дядя Ёша, впечатляли. Не выходила из головы каменная обсерватория, показанная учёным-антропологом в районе Седьяврозера. Она расположена недалеко от перешейка, между Седьявр-, или Сейдозером и Водоозером. К ней ведёт древняя каменная разделяющая эти озёра дамба. Обсерватория стоит на горе Нингурт. По-саамски – женские груди. Удивительно, как она уцелела?! Вместо древнего допотопного города, который находился ниже, гряда поросших лишайником развалин! Его кварталы, со слов учёного, сокрушила серия чудовищной силы взрывов. Следы этого ужасного воздействия хорошо видны и сегодня. В основном, в виде овальных, небольших, но глубоких озёр. В этих озёрах и в наше время прослеживается очень высокий фон радиации. Здесь мы имеем дело с научным фактом. На радиоактивный фон в глубинах округлых «озёр-воронок» обратил в 1922 году своё внимание ещё первый исследователь загадок Сейдозера Александр Барченко. Но обсерватория каким-то чудом сохранилась!!! Очевидно, рядом с ней стояли массивные стены какого-то здания. Они-то и спасли её от полного разрушения. Во всяком случае, мне так объяснил феномен обсерватории учёный-антрополог. По его мнению, все развалины на Кольском полуострове появились в результате мощного температурнолучевого воздействия. Позднее, через несколько тысяч лет, по выжженным руинам погибшей цивилизации прокатился километровой толщины ледник одного из древних оледенений. Он, этот ледник, растёр в пыль и разметал всё то, что ещё как-то уцелело, сохранилось от той далёкой, затерянной в тысячелетиях и забытой древней войны, смертельной борьбы двух враждующих великих империй. Во всяком

случае, именно так мне пытался объяснить разрушения Кольского полуострова дядя Ёша. Учёный-антрополог был убеждён, что такие же «сверхруины» разрушенных взрывами и ледником городов можно немало найти по всему евроазиатскому, даже американскому северу. Везде одна и та же картина: сначала мощное температурно-волновое воздействие, потом тысячетонное давлениедвигающихся с гор в долины ледниковых образований.

– Ты помнишь, – наливая себе чай из самовара, посмотрел на меня дядя Ёша. – Мы увидели с тобой пирамиды с моря, с борта катера, когда шли от устья Поноя на Иокангу? Их ведь хорошо видно. О пирамидах на Мурмане испокон веков знали поморы не только с Терского берега, но и из Кандалакшской губы, из Карелии и самого Архангельска. О них не мог не знать и Михайло Ломоносов. Он с отцом не раз ходил морем и в Варзлугу, и в саму Колу. Но ты в его дневниках ни слова не найдёшь ни о пирамидах, ни о древней разрушенной цивилизации, ни о загадочных каменных столбах-сейдах. Как ты думаешь, почему? – взглянул поверх своих очков на меня дядя Ёша.

– Наверное, чтобы не привлекать к нашему северу внимания, – подумав, сказал я.

– Внимание кого? – снова задал вопрос учёный.

– Массонских кругов Европы...

– И в науке, и во властных структурах, – закончил за меня антрополог. – Теперь ты понимаешь, почему то, с чем я тебя познакомил, нигде в печатных изданиях не фигурирует? Ничего не известно ни о разрушенных городах севера, ни о пирамидах, стоящих за полярным кругом, ни о загадочных каменных столбах, тем более – обсерваториях... Что я тебе показал? Самую малость: руины трёх допотопных городов, отпечаток старика «Куйвы» на скале у Сейдозера и остатки самой древней на Земле обсерватории... Вот и всё. Что сам знаю. А ведь разрушенных в незапамятные времена селений на нашем севере десятки! А может быть, и сотни. Я слышал, что встречаются допотопные руины в соседней Карелии, на берегах Двинской губы, острове Колгуев, на Новой Земле, на острове Вайгач, на Югорском полуострове и Приполярном Урале... В Сибири таких погибших городов ещё больше, особенно в Восточной, за Енисеем...

– Скажи, дядя Ёша, от кого ты всё это слышал? – поинтересовался я. – Неужели от своих научных коллег, с кем когда-то работал?